

Государственный историко-архитектурный
и художественный музей-заповедник

Д 84

Н. А. Дурова

Д/609083

Автобиография
Переписка
(репринтное издание)

ПРОВЕРЕНО 2007 г.

ТАТАРСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ
МИЛЛИ КИТАПХАНАӘСЕ
НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

Елабуга 1996 г.

АВТОБИОГРАФИЯ Н. ДУРОВОЙ

Родился я в 1788-м году, в сентябре. Которого именно числа не знаю. У отца моего нигде этого не записано. Да, кажется, нет в этом и надобности. Можете назначить день, какой вам угодно. На 17-м году от роду я оставил дом отцовский и ушел в службу. Подробности этого события и дальнейший ход происшествий, последовавших за вступлением в Коннопольцы, описан в Записках, изданных под названием: "Девица Кавалерист" в двух частях и еще в третьей под названием "Записки Александрова". Вы можете извлечь из них все, что будет прилично по вашему усмотрению. В 1816 году я, по желанию отца, вышел в отставку, хотя с большим нехотением оставлял блестящую карьеру свою.

Заменив уланский колет фракком, я едва не пришел в отчаяние, когда первой часовой, мимо которого я прошел, не стал во строю и не взял на плечо, как следовало при виде офицера. Не принимая в соображение того, что воинские почести отдаются мундиру, а не званию, и что фельдмаршал в партикулярном платье может проходить мимо всех возможных постов военных, не обращая на себя ни какого внимания, я не мог выносить такого совершенного отчуждения от главного элемента жизни моей. Постоянная грусть глубоко лежала в душе моей, я не выдержал и через год уехал к отцу, в провинцию, где он служил городничим. Там дни мои потекли мирно и единообразно, с утра до вечера я или ездил верхом или ходил пешком по нашим картинным местам, исполненным диких красот северной природы. Такая усиленная деятельность нисколько не вредила мне, напротив, была даже благодетельна, потому что, вставая в три часа утра,

седлая сам свою лошадь, летая на ней по горам, долам и лесам или пешком взбираясь на крутизны, спускаясь в овраги, купаясь в реках и речках, я неимел времени обращаться мыслями к минувшему (увы! горе мне!), не возвратно минувшему.

Так прошел год. Я опять уехал в Петербург. Общество провинциальное показалось мне нестерпимо скучным. В Петербурге поселился я у дяди своего, Дурова, который был некогда инспектором при карантине в Симферополе, за какой-то недосмотр попал под суд и по делу своему должен был жить в Петербурге. По прежним связям он имел обширное и знатное знакомство, через него и я познакомился со многими из его или сослуживцев или благодетелей, потому что дядя был беден и имел необходимость в пособии старых знакомых. Меня очень ласково принимали в доме князя Салтыкова, известного своими музыкальными вечерами. Слепой князь очень любил меня, а я бывал у него почти каждый день. Также много удовольствия находил я в доме князя Дундукова-Корсакова, у которого собиралось всегда отлично образованное общество, и тоже занимались музыкою. Познакомился было и я с княгинею Смоленскою, Кутузовою, женою нашего бывшего фельдмаршала, но знакомство это прекратилось довольно оригинальным образом: один раз я пришел к княгине часов в семь вечера и пробыл у нее до 10-ти. Когда я хотел проститься с нею, кто-то сказал, что идет ливной дождь. «Как же ты пойдешь?» — спрашивает меня княгиня. «Ничего, дойду, я привык». До самой квартиры дяди моего, на Сенной площади, дождь щедро обливал меня с головы до ног — но мне было не до него. Негодование кипело в душе моей: как! думал я, проклятая старуха, имела дух спрашивать меня, как я пойду в такой дождь? Тогда как у нее полные каретники экипажей, а конюшни — лошадей! С тех пор я уже никогда не был у нее. Она, впрочем, продолжала оказывать мне внимание: первая кланялась в театре и, встретясь как-то со мною на Дворцовой набережной, очень обязательно спрашивала: «Что так долго не был у меня? стыдно забывать жену бывшего начальника». Я отвечал холодно-вежливо, что не имел времени. Поспешил раскланяться и более уже не видал ее никогда.

До издания Записок моих существование мое считалось от многих мифом, а другие полагали, что я не выдержал трудной кампании 12-го года и умер. В последнем уверял меня очень

серьезно важной и сановитой господин, сидевший рядом с мной в филармоническом зале, где давали концерт. Мы сидели внизу эстрады, на которой играл оркестр, прямо против нас в последнем ряду сидела дама, в розовом платье, смуглая, сухощавая и уже не первой молодости. Я спросил своего соседа, кто она. «Храповицкая, — отвечал он, — жена генерала, который стоит у ее стула». «Говорят, она присутствовала при сражении, где находился муж ее?» — «О, да! — с восторгом воскликнул мой собеседник, — таких штучек у нас много!!» — «Я, однако же, слышал...» — начал было я... Сосед не дал договорить: «Да, появилась было да не выдержала — умерла». Странно было мне это слышать, однако ж я промолчал и очень покойно позволил считать себя умершим. Досадно было мне любопытство, с которым смотрели на меня встречающиеся на гуляньях в саду, по Невскому или в других публичных местах, потому что хотя существование мое и отвергалось многими, истина должна же была по временам оказываться, тем более что у меня были в Петербурге родные: дядя Дуров и двоюродный брат штабс-капитан Бутовский, известный тогда переводом Крестовых походов. У последнего я жил и был знаком с целым кругом его общества. Прожив около трех лет в Петербурге, я уехал в Полтавскую губернию в Пирятин, к дяде, помещику Александровичу, но от него скоро переселился к тетке, вдове Значко-Яворской, жившей близ Лубен — города, известного своей аптекой и съездом в мае для питья соков из трав.

Целый год провел я у моей доброй тетки в теплой, ароматической атмосфере Малороссии. Я поздоровел, повеселел и загорел как цыган, что очень сердило тетку и смешило меня. «Да ведь я солдат, тетенька! Что значит для меня загар?» — «От се! что значить загар! Та вже ж вы не мужик простый, паньч!» Счастливо и покойно прожил я этот год у моей незабвенной тетки. Но в начале другого года пребывания моего в Малороссии получил я письмо от отца. Он приказывал мне привезти к нему мою сестру, только что вышедшую из Екатерининского института, где она воспитывалась.

Возвратясь в свою провинцию, я оставался в доме отцовском с 1822-го по 26-й. В течение этого времени отец умер, а брат, занимавший его место городничего, был переведен в этом же звании в Елабугу, куда переехал и я с ним и его семейством. Здесь

жил я до 1835-го года. От нечего делать, вздумалось мне пересмотреть и прочесть разные лоскутки моих Записок, уцелевшие от различных переворотов не всегда покойной жизни. Это занятие, воскресившее и в памяти и в душе моей бывшее, дало мне мысль собрать эти лоскутки и составить из них что-нибудь целое, напечатать. Я занялся этим делом прилежно, в несколько месяцев кончил и, списавшись предварительно с Пушкиным, уехал в Петербург в 1836-м году.

Александр Сергеевич принял меня очень радушно, прочитал мои Записки и на просьбу мою поправить их отвечал, что поправлять нечего и что он предлагает мне свое содействие во всем, что будет необходимо при издании Записок. Все было бы хорошо, если б я, на беду свою, не отыскал двоюродного брата своего Бутовского. Он все дело испортил. У него был какой-то особый взгляд на вещи, следуя которому он принялся распоряжаться всем, что касалось до издания Записок, по-своему. Горе овладевает мною даже теперь, при воспоминании, что лучшее дело мое в жизни было им втоптанно в грязь. На Записки мои еще прежде появления их в свет напала толпа порицателей и клеветников. Чего никогда не случалось бы, если б издателем их не был сумасброд. А тут же Плетнев, искренний друг Пушкина, сказал мне: «Вы напрасно хотите поручить издание ваших Записок Александру Сергеевичу, ему с своими делами трудно справиться; он по вежливости возьмется, но это будет ему в тягость». Так соединилось все, чтоб испортить и затруднить путь мой на литературном поприще, на которое вступил я с такою неопытностью и под таким жалким руководством. Сначала, однако ж, Записки наделали много шуму, кроме того, что происшествие было недожинное, оно имело достоинство истины, подтвержденной многими и очевидцами и сослуживцами моими. Но вскоре, однако ж, все, что интересовалось мною, охладело ко мне вдруг. Долго недоумевал я и терялся в догадках о причине такой странности, наконец, оскорбленный до глубины души незаслуженною переменою, я написал мой «Год жизни в Петербурге, или Невыгоды третьего посещения». Небольшая книжка эта образумила легковерных, и хотя не назвал никого, но описал их так верно и в таком виде, что они всеми силами старались не узнать себя и, чтоб успеть в этом, обратились снова

ко мне с изъявлением ласки и доброжелательства.

Но между тем мне надобно было чем жить. Записки мои, так дурно направленные, принесли мне пользу ничтожную, о втором издании нечего было и думать, первого оставалось еще более 1 000-чи. Я стал писать повести, описывать то легенды, то поверья, то кой-что из рассказов жителей того места, где квартировал, быв еще в службе. Один из таких рассказов, под названием «Павильон», доставил мне знакомство с издателем и редактором «Отечественных записок», журнала, только что начавшего выходить тогда. Я поехал с моим «Павильоном» к Андрею Александровичу Краевскому, прося его купить у меня эту повесть, дать мне вот такую-то цену за нее, тотчас же, всю сполна и, сверх того, взять меня в сотрудники. Приступ странный и просьба дикая, но Андрей Александрович принял все это ласково-вежливо, согласился на все и сказал только, что ему необходимо прочитать статью. Дней через пять он написал мне, что «Павильон» хорош, и отдал мне деньги, как я желал, все вдруг. Бескорыстие и правота молодого журналиста мне очень понравились, и я остался его добрым знакомым на все время пребывания в Петербурге. Наконец «Записки» напечатались. Насилу мог я взять их от издателя и долго пролежали бы они на столе моем, если б к счастью благородный Смирдин не взял их у меня все, то есть 700-т экземпляров, оставшихся от первоначальной распродажи. Это обстоятельство дало мне возможность уехать домой. В 41-м году я сказал вечное прости Петербургу и с того времени живу безвыездно в своей пещере — Елабуге.

Вот все, что я мог припомнить и написать. Посылаю как есть, со всеми недостатками, то есть: помарками и бесчисленными орфографическими ошибками. Было у меня много писем и записок от Пушкина и два письма от Жуковского, но я имел глупость раздарить их.